

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Евгений Георгиевич Торсуков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: temitina.45@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль военных переводчиков в обеспечении лингвистического сопровождения боевых операций Советской армии в период Великой Отечественной войны. Автор подчёркивает, что специфика военного дела наложила отпечаток на все формы военной коммуникации — от письменных приказов и донесений до устных переговоров. Особое внимание уделяется тому, что эффективное лингвистическое обеспечение требовало от переводчиков не только безупречного владения иностранными языками, но и глубоких специальных знаний. В круг их профессиональных задач входило детальное изучение тактических и стратегических принципов как Красной Армии, так и немецких войск. Они должны были досконально знать организационную структуру различных видов вооружённых сил, основы боевой подготовки личного состава, юридические нормы и материально-техническое обеспечение воинских частей, а также разбираться в технических характеристиках используемого вооружения и военной техники. Острая потребность в квалифицированных кадрах в военное время привела к созданию ускоренной системы подготовки военных переводчиков в специализированных вузах страны. Эти специалисты выполняли широкий круг задач — от работы с трофейными документами и проведения допросов военнопленных до радиоперехвата и оперативного перевода, что напрямую влияло на успешность боевых операций. Автор приходит к выводу, что лингвистическое обеспечение являлось важнейшим элементом военного планирования и управления, а военные переводчики выступали не просто языковыми посредниками, а высококвалифицированными специалистами, чей вклад в общую победу трудно переоценить. Их работа требовала уникального

© Торсуков Е.Г., 2025

сочетания лингвистических навыков, военных знаний и способности оперативно действовать в боевых условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная лингвистика, перевод в армии, переводчики на фронте, работа с пленными, боевые приказы и распоряжения, шифровки и перехваты сообщений, подготовка военных лингвистов, архивные документы и мемуары переводчиков

Для цитирования: Торсуков Е.Г. Лингвистическое обеспечение военных действий советских войск в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 82–106. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 24.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

LINGUISTIC SUPPORT OF MILITARY OPERATIONS OF THE SOVIET TROOPS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Yevgeniy G. Torsukov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: temitina.45@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of military translators in providing linguistic support for combat operations of the Soviet Army during the Great Patriotic War. The author emphasizes that the specifics of military affairs have left their mark on all forms of military communication: from written orders and reports to oral negotiations. Special attention is paid to the fact that effective linguistic support required translators not only to have an impeccable command of foreign languages, but also deep specialized knowledge. Their professional competence included understanding the tactics and strategy of both the Soviet troops and the German Wehrmacht, the organization of various branches of the armed forces, the principles of combat training, the legal and economic aspects of the functioning of military units, as well as the technical characteristics of the weapons used. The urgent need for qualified personnel during the war led to the creation of an accelerated system for training military translators in specialized universities in the country. These specialists performed a wide range of tasks: from working with captured documents and interrogating prisoners of war to radio interception and operational transfer, which directly affected the success of combat operations. The author concludes that linguistic support was an essential

element of military planning and management, and military translators acted not just as language intermediaries, but as highly qualified specialists whose contribution to the overall victory cannot be overestimated. Their work required a unique combination of linguistic skills, military knowledge, and the ability to operate quickly in combat conditions.

Keywords: The Great Patriotic War, military linguistics, translation in the army, translators at the front, work with prisoners, combat orders and orders, encryption and interception of messages, training of military linguists, archival documents and memoirs of translators

For citation: *Torsukov Y.G.* (2025) Linguistic support of military operations of the soviet troops during the great patriotic war. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal.* 2. P. 82–106. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

The article was received on February 22, 2025;
approved after reviewing received on June 23, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

В год 80-летия Великой Победы мы с благодарностью вспоминаем не только бойцов на передовой, но и тех, чьим оружием было слово. Военные переводчики внесли неоценимый вклад в общую победу, превратив знание языка врага в мощное стратегическое оружие. Их профессиональное мастерство позволяло добывать ценнейшую информацию из трофейных документов, радиоперехватов и допросов пленных, что часто становилось решающим фактором в планировании боевых операций.

Как справедливо отмечал Герой Советского Союза, писатель и фронтовой разведчик В.В. Карпов: «Без них, людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было провести бой или военную операцию... Да, нам разведчикам, было бы просто бессмысленно идти на опасную охоту за «языком», если бы мы не были уверены, что опытный переводчик получит от него максимум ценных сведений, тех, что помогут нашему командованию принять правильное решение» (Карпов, <http://www.litmir.info/bd/?b=13263>).

Работа военных переводчиков представляла собой уникальное сочетание лингвистического мастерства и глубокого понимания военного дела. Они не просто переводили слова — они анализировали, интерпретировали и систематизировали информацию,

превращая её в реальное тактическое преимущество. Их вклад в Победу невозможно переоценить — каждая успешная операция, каждый перехваченный приказ, каждое добытое у врага сведение приближали долгожданный май 1945 года.

В предвоенные годы в СССР была оперативно развёрнута сеть специализированных учебных заведений для подготовки военных переводчиков. Это решение стало ответом на растущую военную угрозу и позволило в кратчайшие сроки создать корпус квалифицированных лингвистов, владеющих языками как стран Оси, так и государств антигитлеровской коалиции. Инициатива по созданию военных факультетов оказалась не только стратегически верной, но и стала знаковым событием в истории отечественного военного образования. Данная реформа заложила основы военно-филологической школы в СССР, объединив лингвистическую подготовку с изучением военного дела. В 1940–1941 годах произошла масштабная реорганизация системы боевой подготовки, где особое место заняло лингвистическое обеспечение войск. Новые учебные программы учитывали опыт первых кампаний Второй мировой войны, делая акцент на практическом применении языковых навыков в разведке, работе с документами и допросах военнопленных. Сформированная в этот период система подготовки военных переводчиков впоследствии полностью оправдала себя в боевых условиях.

Военная коммуникация предъявляет к переводчику особые требования, выходящие далеко за рамки обычного языкового перевода. Специалист в этой области должен обладать комплексом специальных знаний, включающим в себя не только теоретические основы военного дела отечественных и иностранных вооружённых сил, но и практические аспекты их применения. Это требовало от переводчиков детального понимания тактико-специальной подготовки и особенностей ведения боевых действий в разных родах войск — от пехотных подразделений до авиации и флота. Им необходимо было разбираться в организационной структуре воинских формирований, нормативно-правовых аспектах армейской службы, а также в экономике военного дела — вопросах снабжения, транспорта и материально-технического обеспечения. Особое место занимало техническое направление — свободное ориентирование в характеристиках стрелкового оружия, артиллерийских систем, бронетехники и инженерного оборудования. Точность перевода технических руководств, схем, шифровок и донесений часто напрямую влияла на исход операций, что делало такие знания не просто желательными, а жизненно необходимыми.

Военный переводчик должен свободно ориентироваться в терминологии, связанной с устройством и применением различных видов военной техники. Кроме того, в круг его компетенций входит понимание методов воспитательной работы с личным составом, что особенно важно при работе с документами кадрового характера или переговорах. Такой широкий спектр необходимых знаний и навыков делает военного переводчика уникальным специалистом, чья деятельность находится на стыке лингвистики и военного дела. Его работа требует не только безупречного владения языками, но и способности быстро анализировать и интерпретировать военную информацию в конкретном оперативном контексте. Именно это сочетание качеств позволяет эффективно решать задачи лингвистического обеспечения военных операций различного масштаба и сложности.

Речевая практика в военной сфере обладает выраженной спецификой, кардинально отличающей её от повседневного общения. Как отмечает Торсуков (2020: 114), «язык приказов, уставов, инструкций и наставлений характеризуется однозначностью трактовок, ясностью в понимании и высокой степенью побудительности». Эти лингвистические особенности позволяют эффективно регулировать деятельность военнослужащих при выполнении задач по защите государства, формируя особый стиль профессиональной коммуникации. Военная коммуникация как особая лингвистическая система развивается под воздействием трёх детерминант: специфики боевых и оперативных задач, жёстко структурированной системой командования, необходимостью функционирования в условиях повышенного риска и стресса. В этой связи перед учебными заведениями стоит особая задача по подготовке специалистов, владеющих как русской военной терминологией, так и её иностранными аналогами, включая тонкости перевода таких специфических текстов. Особую актуальность эта проблема приобрела в предвоенные годы, когда потребовалась ускоренная подготовка квалифицированных переводческих кадров, способных эффективно работать в условиях боевых действий. Решением стало создание в 1940 году военного факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, который начал подготовку военных переводчиков по четырёхлетней программе. Возглавивший факультет в октябре 1940 года генерал-майор Н.Н. Биязи (Торсуков, 2020: 108) сыграл ключевую роль в становлении этой уникальной образовательной системы, выпускники которой внесли неоценимый вклад в достижение Победы. Создание специализи-

рованного военного факультета стало важным этапом в развитии системы подготовки лингвистических кадров для армии, доказавшим свою эффективность в суровых условиях военного времени.

С первых дней Великой Отечественной войны система высшего образования страны оперативно перестроилась для подготовки военных переводчиков. Эта работа велась на базе филологических и языковых факультетов вузов по всей стране. Характерный пример — Горьковский педагогический институт иностранных языков, где на основании приказа Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 30 июня 1941 года был организован специальный курс подготовки военных лингвистов.

Институт оперативно адаптировал учебный процесс к требованиям военного времени. Уже 1 августа 1941 года начались занятия для студентов старших курсов: 177 человек на втором, 165 — на третьем и 130 — на четвёртом курсах. Первокурсники в количестве 237 человек приступили к занятиям по традиционному графику 1 сентября. Общая численность обучающихся в 1941/42 учебном году превысила 700 человек.

Особого внимания заслуживает патриотический порыв студентов: в начале учебного года 30 человек добровольно отправились на фронт в качестве военных переводчиков, а в марте 1942 года к ним присоединились ещё 20 добровольцев. План набора на 1942/43 учебный год предусматривал 270 мест с распределением по языковым факультетам: 120 — английский, 75 — французский и 75 — немецкий (https://vk.com/wall-18181383_393622).

В условиях военного времени ведущая роль в подготовке военных переводчиков принадлежала Военному факультету при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Согласно директиве заместителя Народного комиссара обороны от 28 августа 1941 года, на факультете была развёрнута многоуровневая система подготовки. Наряду с основным четырёхгодичным обучением организовали постоянные шестимесячные курсы на 400 человек и временные ускоренные программы продолжительностью четыре и полтора месяца для такого же количества слушателей. Эти меры позволили в кратчайшие сроки обеспечить фронт квалифицированными переводческими кадрами.

Факультет выполнял стратегически важную двойную функцию: являлся главным учебным центром по подготовке военных переводчиков и одновременно служил центральным языковым узлом общевойсковой значимости. Обучение велось по пятнадцати иностранным языкам, что соответствовало потребностям различных

фронтов и направлений. В первые месяцы войны преподавательский состав и слушатели старших курсов работали в авральном режиме — сутками без отдыха обрабатывали трофейные документы для Генерального штаба, демонстрируя образцы профессионального героизма.

Параллельно с учебным процессом факультет развернул активную издательскую деятельность. Были разработаны и выпущены в свет специализированные пособия: русско-немецкий военный разговорник, аналогичные издания по венгерскому, румынскому и итальянскому языкам, дополнения к существующим военным словарям (немецкому, английскому, французскому), а также учебник немецкого языка для рядового и командного состава Красной Армии. Эти материалы оперативно поступали в войска, существенно повышая языковую компетентность военнослужащих.

В октябре 1941 года в связи с приближением фронта к Москве факультет был эвакуирован в Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти). Передислокация прошла образцово организованно — личный состав проявил высочайшую дисциплину и ответственность. Как вспоминала выпускница факультета, впоследствии известный военный переводчик и писательница Елена Ржевская: «Весь личный состав Военфака, воодушевлённый героическими подвигами на фронте и трудовыми достижениями в тылу, сумел в невероятно сжатые сроки восстановить учебный процесс. В условиях острой нехватки преподавателей к педагогической работе привлекли всех адъюнктов, а также наиболее подготовленных слушателей четвёртого и даже третьего курсов» (Ржевская, 1965).

Несмотря на экстремальные условия военного времени, эвакуацию и связанные с ней организационные трудности, факультет не только сохранил, но и значительно усилил свою образовательную и научную деятельность. Его выпускники внесли неоценимый вклад в обеспечение лингвистического сопровождения боевых операций, работу с трофейными документами и допросами военнопленных, что в итоге способствовало достижению победы над врагом.

Выпускники факультета проявляли исключительное мужество на всех фронтах Великой Отечественной войны. Военные переводчики выполняли ответственные задачи на всех уровнях армейской структуры — от полевых штабов до центрального аппарата. Они непосредственно участвовали в боевых действиях, сопровождали разведывательно-диверсионные группы в тылу противника, обеспечивали взаимодействие с партизанскими отрядами. В условиях смертельного риска эти специалисты сочетали филологическую

подготовку с подлинным мужеством, что сделало их труд важной составляющей успеха на фронтах Великой Отечественной войны.

12 апреля 1942 года произошло знаковое событие — приказом Народного комиссара обороны СССР Военный факультет был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Новое учебное заведение, временно дислоцированное в Ставрополе-на-Волге, перешло в непосредственное подчинение Главному управлению Генерального штаба. Возвращение института в Москву состоялось в октябре 1943 года, а 30 августа 1944 года его возглавил генерал-майор Н.Н. Биязи (впоследствии генерал-лейтенант) — выдающийся полиглот, владевший 14 языками, опытный штабист и талантливый организатор учебного процесса.

Особенностью работы института в военный период (1941–1944 гг.) стал непрерывный учебный процесс без традиционного деления на учебные годы. Как отмечает Козлов (1967: 21–22), «никакой передышки, никаких перерывов в учебном процессе! Выпуск слушателей не производился. По указанию Генштаба они командами по необходимости направлялись на фронт». Архивные документы сохранили лаконичные телеграммы того времени: «направить в наше распоряжение четырнадцать переводчиков», «срочно подготовить группу переводчиков, тщательно проверьте здоровье», «доложите о ваших возможностях дать фронту переводчиков...».

За три года войны (до середины 1944 года) институт подготовил и отправил на фронт 2500 военных переводчиков: до 1943 года — 1092, в 1943 году — 774, в 1944 году — 658 (Козлов, 1967: 26–27). Эти цифры красноречиво свидетельствуют о масштабах вклада института в общее дело Победы.

В тяжелейших условиях Великой Отечественной войны военные переводчики стали незаменимыми специалистами, чей вклад в общую Победу трудно переоценить. За годы войны Военный институт иностранных языков подготовил и направил на фронт более 4500 переводчиков, каждый из которых стал важным звеном в системе военного управления. Трагической страницей этой истории стали около 2500 выпускников института, отдавших свои жизни за свободу Родины. Несмотря на расставание со своими воспитанниками, институт продолжал поддерживать с ними связь через активную переписку, следя за их фронтовой судьбой.

Профессия военного переводчика в боевых условиях требовала не только безупречного владения иностранными языками, но и подлинного мужества. Эти специалисты первыми получали доступ к секретной информации противника, что накладывало на

них особую моральную ответственность. От их профессиональных качеств зависели жизни тысяч бойцов — малейшая ошибка в переводе трофейного документа или протокола допроса могла привести к трагическим последствиям. Военным переводчикам приходилось в совершенстве знать не только язык, но и военную организацию, техническую терминологию и тактические особенности армии противника.

Опыт войны показал, что переводчики часто выходили за рамки своих прямых обязанностей, выполняя разнообразные штабные функции. В экстремальных боевых условиях они демонстрировали необычайную оперативную гибкость, становясь полноценными штабными офицерами. В ходе войны сложился уникальный профессиональный профиль военного переводчика — специалиста, сочетающего лингвистическую подготовку с глубоким пониманием военного дела. Этот образ заслужил глубокое уважение в армейской среде.

Постоянный контроль со стороны командования и тесное взаимодействие с коллегами формировали у переводчиков особое отношение к своей работе. Каждое добытое сведение, каждый перехваченный документ могли повлиять на исход боя или целой операции. Это осознание наполняло их труд особым смыслом и ответственностью. Работая часто в тени, не получая громкой славы, военные переводчики своим ежедневным подвигом спасали тысячи жизней и вносили неоценимый вклад в победу над фашизмом. Их профессиональное мастерство и личное мужество стали важной составляющей успехов Красной Армии на полях сражений Великой Отечественной войны.

В ходе наступательных операций войска нередко захватывают значительное количество вражеских боевых документов, содержащих ценнейшую оперативную информацию. В условиях динамично меняющейся боевой обстановки особенно критичным становится фактор времени — чем быстрее будут обработаны и переведены эти материалы, тем большее тактическое преимущество получит командование. В такой ситуации от военного переводчика требуется не просто лингвистическая подготовка, но и способность быстро ориентироваться в массиве документов, мгновенно определяя их оперативную значимость и устанавливая приоритеты перевода.

Первичная сортировка трофейных документов должна проводиться с чётким пониманием текущих задач и намерений собственного командования. Однако существуют универсальные принципы, позволяющие эффективно организовать эту работу даже в

условиях ограниченного времени. В первую очередь необходимо вычленять оперативные документы — боевые приказы, распоряжения, донесения и сводки, которые обычно содержат наиболее актуальную информацию. Особое внимание следует уделять документам элитных и наиболее боеспособных частей противника, а также материалам с наиболее свежими датами.

Как отмечает Стрелковский (1970: 31), стандартизированная структура боевых приказов позволяет быстро выявлять ключевые элементы: замысел операции, основное решение командования, расчёт сил и средств. При работе с такими документами в первую очередь переводится именно эта информация, представляющая наибольшую оперативную ценность. Дополнительную пользу могут принести списки рассылки, которые помогают установить организационную структуру вражеских подразделений и систему их управления.

Даже при выполнении специальных заданий по поиску конкретной информации опытный переводчик может извлечь много полезных сведений из служебных заголовков, подписей ответственных лиц, штампов и печатей, а также перечней получателей. Всё это требует от специалиста не только безупречного владения языком противника, но и глубокого понимания военного дела, способности анализировать информацию в условиях жёсткого временного ограничения и принимать взвешенные решения, от которых может зависеть успех всей операции.

В годы Великой Отечественной войны военные переводчики выполняли исключительно важные и разнообразные задачи, став неотъемлемой частью военного механизма. Их деятельность далеко выходила за рамки простого языкового посредничества, превращаясь в настоящее искусство военной лингвистики.

Особое значение имела психологическая работа переводчиков по деморализации войск противника. Специалисты этого профиля не просто переводили тексты, а создавали эффективные пропагандистские материалы, учитывающие менталитет и психологическое состояние немецких солдат. Они составляли агитационные листовки с призывами к капитуляции, разрабатывали радиопередачи и тексты для звукоусилительных установок на передовой. Эта работа требовала не только идеального знания языка, но и глубокого понимания военной ситуации, настроений в войсках противника, особенностей солдатского быта.

Штабные переводчики представляли собой особую категорию специалистов, чья работа сочеталась с разведывательной деятель-

ностью. В их обязанности входило проведение допросов военнопленных, где от их профессионализма зависела достоверность получаемой информации. Они обрабатывали трофейные документы — от оперативных приказов и штабных карт до личной переписки солдат и офицеров противника. Как отмечают исследователи, именно личные письма часто содержали уникальную информацию о реальном положении на фронте, моральном состоянии войск и даже неофициальных планах командования. Эти специалисты также занимались радиоразведкой, перехватом и расшифровкой вражеских сообщений, что требовало особых навыков работы с кодами и шифрами.

В системе военной цензуры трудились особые переводческие кадры, чья деятельность носила стратегически важный характер. Ежедневные показатели их работы поражают воображение: 6 млн проверенных писем, включая 64 тысячи международных отправок (33 тыс. исходящих / 31 тыс. входящих), и 350 тыс. телеграмм (1,5 тыс. исходящих / 1 тыс. входящих) — такие цифры наглядно демонстрируют объёмы этого незаметного, но vitalного для военного времени труда). Они не только защищали военные и государственные тайны, но и выявляли шпионскую деятельность, анализировали настроения в войсках и тылу, отслеживали возможные утечки информации. Их работа требовала особой внимательности, аналитического мышления и умения находить скрытые смыслы в, казалось бы, обычных бытовых письмах.

Как подчёркивает Долгова (<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-perevodchikov-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer:3>), работа всех категорий военных переводчиков требовала исключительной профессиональной подготовки и внимательности, поскольку даже незначительная ошибка могла привести к серьёзным оперативным просчётам и человеческим жертвам.

В своих воспоминаниях Елена Ржевская описывает работу с трофейными документами: *«Я завалена документами. Донесения с мест боёв. Приказы, исходившие с командного пункта бригады Монке, охранявшей имперскую канцелярию. Радиограммы. В комнатах Геббельса в двух чемоданах, кроме его дневников, обнаружено несколько сценариев, присланных ему авторами. Работать в самом подземелье было трудно, и я много часов провела за разбором документов в одном из залов имперской канцелярии. В комнатах Геббельса было ещё найдено в чемодане несколько папок...»* (Ржевская, 1986). Эти строки ярко иллюстрируют масштаб задачи, возло-

женной на специалистов, занимавшихся обработкой захваченных материалов.

Важность оперативного и точного получения разведанных, в том числе через допросы военнопленных, невозможно переоценить. Для подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к событиям весны 1943 года. Немецкое командование, готовя наступление в районе Белгорода, предпринимало меры маскировки: демонстративно отводило части с переднего края, перебрасывало в тыл танковые дивизии СС, изменяло работу радиосетей. Большинство захваченных пленных сообщали о слухах касательно предстоящего удара южнее Белгорода, однако советская разведка не поддавалась на дезинформацию. Имеющиеся данные указывали на то, что основной удар последует севернее, в направлении Курска. Тем не менее требовалось дополнительное подтверждение.

Решающие сведения были получены в ночь на 14 июля восточнее Трефиловки, где разведгруппе удалось взять в плен немецкого солдата. На допросе он невольно упомянул, что накануне его подразделению выдали сухой паёк — важный признак скорого наступления. Под давлением переводчика пленный раскрыл ещё более ценную информацию: солдатам зачитали приказ Гитлера о начале атаки утром 5 июля. Эти данные немедленно передали командованию армии и фронта. Показания других пленных, захваченных той же ночью, а также данные наблюдения и радиоперехвата окончательно подтвердили планы противника и позволили уточнить время наступления — 4 часа утра 5 июля (Торсуков, 2020: 113).

Работа с военнопленными предъявляла к переводчикам исключительные требования, выходящие далеко за рамки простого владения иностранным языком. Специалисту необходимо было досконально знать структуру и особенности функционирования вражеской армии — от принципов комплектования частей до принятой системы командования. Особое значение имело точное понимание технической терминологии, связанной с вооружением, средствами связи и другой специализированной техникой противника.

Квалифицированный допрос требовал владения целым арсеналом профессиональных методик. Помимо базовых форм опроса, активно применялись: детализированные анкетные методы сбора информации, техника перекрёстной верификации показаний, стратегия дезорганизованного опроса (преднамеренно хаотичная последовательность вопросов), анализ невербальных реакций допрашиваемого. В таких условиях военный переводчик превращался в ключевого участника разведывательного процесса. Его задача

заклучалась не только в точной передаче информации, но и в выявлении скрытых смыслов, распознавании попыток введения в заблуждение, фиксации малейших противоречий в показаниях. Это требовало сочетания лингвистической компетентности, аналитического мышления и психологической проницательности.

Эффективность подобной работы напрямую зависела от способности специалиста оперативно оценивать достоверность информации, анализировать поведенческие паттерны допрашиваемого и адаптировать тактику опроса в зависимости от складывающейся ситуации. Все эти аспекты делали допрос военнопленных особой профессиональной дисциплиной, где языковые навыки органично сочетались с элементами оперативно-разведывательной деятельности.

Яркой иллюстрацией сложности этой работы служит эпизод, описанный военным переводчиком Львом Безыменским. В своих воспоминаниях он приводит детали допроса фельдмаршала Паулюса: «Допрос продолжался недолго. Воронов (представитель Ставки ВГК — *прим. авт.*), который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать приказ о капитуляции продолжавшим сопротивление немецким частям, чтобы избежать бессмысленных жертв. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на свой статус военнопленного, лишивший его, по его словам, права отдавать приказы. Воронов повторил предложение, подробно аргументируя его. Нервное напряжение Паулюса усилилось, у него участилось подёргивание левой стороны лица. Однако, когда он заговорил, генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский (командующий Брянским фронтом — *прим. авт.*) и Воронов вновь услышали категорический отказ. Затем Воронов задал неожиданный вопрос — какой режим питания установить пленному, чтобы не навредить его здоровью? Лицо Паулюса выразило крайнее изумление. Он ответил, что не требует для себя особых условий, но попросил позаботиться о раненых и больных немецких солдатах и офицерах. Воронов заметил: — Советская армия гуманно обращается с пленными. Однако наши медики столкнулись с серьёзными трудностями, поскольку немецкий медицинский персонал бросил свои госпитали на произвол судьбы. Паулюс долго молчал, прежде чем с трудом произнёс: — Господин маршал, на войне бывают ситуации, когда приказы не исполняются... На этом допрос был завершён. Паулюс встал, выпрямился, отдал честь советским генералам и, развернувшись, вышел из помещения» (<https://litresp.ru/chitat/ru/Б/безыменский-лев-александрович/оcobaya-пapкaрбаррoсса/7.115>). Этот

эпизод демонстрирует не только технические аспекты допроса, но и его психологическую составляющую, где важную роль играли как профессиональные навыки переводчика, так и умение командиров вести сложные переговоры с высокопоставленными пленными.

Эффективность работы военного переводчика во многом определялась его способностью ориентироваться в специфике военного дискурса. Под военным дискурсом понимается система речевых практик, формирующихся в условиях военной коммуникации и регулируемых особыми нормами, традициями и профессиональным опытом, что находит выражение в использовании специализированных языковых средств (Дуброва, 2012: 4).

В рамках военного дискурса выделяют несколько ключевых жанров:

- научные военные тексты;
- техническая военная документация;
- оперативно-информационные материалы;
- военно-публицистические произведения;
- нормативные документы (уставы, наставления);
- служебная военная переписка.

П.Н. Денисов предлагает следующую классификацию военной речи:

- 1) профессиональный язык военных специалистов, включающий термины военной науки («живая сила», «глубоко эшелонированная оборона», «узел сопротивления»);
- 2) язык военно-политической пропаганды (лексика политических работников, военных СМИ);
- 3) разговорная речь военнослужащих и их командиров, включая солдатский фольклор («катюши» — реактивные системы залпового огня);
- 4) язык военной художественной литературы и мемуаров, вошедший элементы всех перечисленных стилей (Денисов, 1985: 361–362).

Особое место занимают военно-энциклопедические тексты, отличающиеся точностью терминологии и относящиеся к научному стилю. Для военных текстов характерна лаконичность изложения. В немецких военных документах, например, преобладают неполные предложения, часто опускаются сказуемые или подлежащие: “Erkundungskommando für Marschstraße durch PzPiKp 70” (70-й сапёрной роте выслать рекогносцировочную группу). Переводчик вынужден восстанавливать опущенные элементы при переводе (Стрелковский, 1970: 35).

Специфической чертой военных документов является их строгая структурированность, где важна последовательность пунктов. Переводчик должен не только знать военную терминологию, но и уметь находить точные эквиваленты при переводе. Особые сложности представляет лексика боевых документов, которая отличается ограниченным, но высокоспециализированным словарным запасом, ориентированным на управление войсками и описание боевых действий (Там же: 34).

Рассмотрим эту лексику по тематическим группам:

- общие понятия, связанные с военной темой: Krieg — война, Front — фронт, Soldaten — солдаты;
- боевые действия, управление боем: Gefecht — сражение, Gefechtszone — зона боевых действий, Befehl — приказ, Angriff — наступление, angreifen — наступать, vorstoßen — продвигаться, abschneiden — отрезать, vorderFlankefassen — охватить с фланга, zurückgehen — отступать;
- подразделения и командиры, воинские звания: Zug — взвод, Zugführer — командир взвода, Kompanie — рота, Kompanieführer — командир роты, Feldwebel — фельдфебель, Unteroffizier — унтер-офицер, Leutnant — лейтенант;
- вооружение пехоты: Gewehr — винтовка, Maschinengewehr — пулемёт, MG — сокр. пулемёт, Revolver — револьвер, Handgranate — ручная граната, Leuchtrakete — осветительная ракета, Leuchtkugel — трассирующая пуля;
- боеприпасы и средства поражения: Munition — боеприпасы, Sprengstücke — взрывчатые вещества, Granatfetzen — осколки гранат;
- выстрел, производство выстрела, звук выстрела, звук встречи пули или снаряда с целью: Schuss, Abschuss, Ladehemmung, Einschlag, Volltreffer;
- артиллерия, артиллерийские снаряды: Artilleriefeuer — огонь артиллерии, Gasgranate — химический снаряд, Mündungsfeuer — дульное пламя;
- обмундирование и оснащение пехотинца: Zeltbahn — плащ-палатка, Stiefel — сапоги, Kochgeschirr — котелок, Mantel — шинель, Koppel — поясной ремень с портупеей, Helm (Stahlhelm) — шлем, Uniform — форма одежды;
- естественные и искусственные укрытия на поле боя, инженерное оборудование местности: Trichter — воронка, Trichternest — пулемётное гнездо, Grabenstück — участок окопа, Laufgraben — ход сообщения, Böschung — эскарп, Unter-

stand — блиндаж, Brustwehr — бруствер, Stellung — позиция, Schützengraben — стрелковый окоп;

- ранения, оказание медицинской помощи раненым на поле боя, медицинские учреждения в ближайшем тылу: Sanitär — санитар, Lazarett — лазарет, Schuss in den Arm bekommen — ранение в руку, Bauchverletzte — раненый в живот, verbinden — бинтовать, Krankheit — болезнь, Tabletten einnehmen — принимать таблетки;
- фронтовой отпуск: Urlaub (Бойко, 2016: 4–5);
- единицы военного жаргона: Klarre — винтовка, Kohldampf — голод, Gulaschkanone — полевая кухня, Lausekrieg — ротный фельдфебель, Feldgraue — солдаты, Kommißmantel (Kommißknüppel) — винтовка;
- разговорная лексика и инвективы разговорной речи солдат: Scheiße — дерьмо, Verflucht! Verdammt! — проклятый, Halt die Schnauze! — заткнись, eine saftige Schweinerei erzählen — рассказывать похабный анекдот, das schläg tein wie eine Bombe — как гром с ясного неба, Schnauzenaufreißen — разинуть пасть (Там же).

Для военного переводчика особое значение имеет точное знание организационной терминологии, включающей наименования воинских формирований (отделения, взводы, роты), обозначения частей и соединений, названия командных структур и должностные наименования. В боевой документации эта терминология преимущественно представлена в сокращенной форме, принятой в западногерманских уставах. Как отмечает Стрелковский (1970: 35), в документах вермахта использовались сокращения с пробелами и точками: Inf. Rgt. (пехотный полк), Pz. Div. (танковая дивизия).

Особенности военной терминологии проявляются в её динамике. В профессиональной военной среде термины сохраняют строгую семантическую определённость, однако вне военного контекста происходит возврат заимствованных терминов к их исходным значениям (Feuer — огонь/огонь; Nest — гнездо/позиция), детерминологизация специализированных понятий (Лейчик, 2014: 29) и переход военных терминов в общеупотребительную лексику (Angriff — атака/нападение; Gewehr — винтовка/ружье). Этот процесс особенно заметен на примере немецких терминов: Graben (окоп/ров), Böschung (откос/склон), Trichter (воронка/кратер), Schuss (выстрел/пуск), Front (фронт/передняя часть), Revolver (револьвер/барабан).

Современная практика военного перевода требует от специалиста чёткого разграничения профессионального и общеупотребительного значения терминов, учёта контекста их использования, понимания процессов терминологической трансформации, владения историческими формами военных сокращений и способности адекватно передавать организационную структуру при переводе. Как подчёркивают исследователи, точность перевода военных документов во многом зависит от правильного понимания этих лингвистических особенностей и способности переводчика ориентироваться в динамике терминологических значений.

Термины *Kompanieführer* «командир роты», *Trichter* «воронка (образовавшаяся от разрыва снаряда, мины или авиационной бомбы)», *Munition* «боеприпасы» в тексте могут быть использованы так:

“Der *Kompanieführer* kriecht in unsern *Trichter*. “Habt ihr alles?” fragt er durch den Lärm. “Zuwenig *Munition*”, “schreit *Bethke*” (Ремарк, 1993, 17).

Ротный лезет в нашу воронку. — Всем обеспечены? — старается он перекричать шум. — Патронов маловато! — кричит в ответ Бетке (Ремарк, 1993: 13–14).

Основная функция боевых документов, и в особенности приказов, заключается в управлении войсками, что непосредственно отражается на их языковых особенностях. Главная задача такой документации — инициировать и координировать боевые действия подразделений.

Лексический состав этих документов формируется исходя из основных видов боевой деятельности, к которым относятся:

1. Наступательные операции.
2. Оборонительные действия.
3. Охранные мероприятия.
4. Разведывательная деятельность.

Каждый из этих видов военной активности требует использования специфической терминологии и чётких формулировок, обеспечивающих однозначное понимание поставленных задач. В боевых приказах преобладают глаголы повелительного наклонения и краткие, информационно насыщенные конструкции, что позволяет оперативно доводить решения командования до исполнителей.

В боевом приказе можно встретить словосочетания: *es kommt darauf an* — задача... (состоит в том, чтобы): *hierzu werden eingesetzt* — для этого вводятся в бой. Этими словосочетаниями обыч-

но начинается изложение основных задач подчинённым войскам. Иногда задачи подразделений (частей) излагаются в боевых приказах при помощи конструкций с местоимением *es*, например: *Esverteidigungsich* — занять оборону (Стрелковский, 1970: 40).

Так, термины *Angriff* «наступление», «атака», *Handgranate* «ручная граната», *Ladehemmung* «задержка ведения огня из-за перекоса ленты», *Trichternest* «огневая точка в воронке», *Flanke* «фланг», *MG* (*Maschinengewehr*) «пулемёт», *Böschung* «пологий откос воронки (от разорвавшегося снаряда)» в тексте могут быть употреблены следующим образом:

“*Der Angriff liegt links vor uns. Ein Trichternest vor uns wird umkämpft. Das MG bellt. Die Blitze der Handgranaten zucken. Plötzlich schweigt das MG — Ladehemmung. Sofort wird das Nest von der Flanke gefasst. Ein paar Minuten noch, und es ist abgeschlossen. Heel sieht es. „Verflucht, er setzt über die Böschung, ‘Vorwärts!’”* (Ремарк, 1993: 18–19).

Атака — влево от нас. Борьба разгорается вокруг одной нашей огневой точки в воронке. Лаёт пулемёт. Вспыхивают молнии рвущихся гранат. Вдруг пулемёт замолкает: заело. Огневую точку сразу же атакуют с фланга. Ещё несколько минут — и она будет отрезана. Хеель это видит.

— Чёрт! — он прыгает через насыпь. — Вперёд! (Ремарк, 1993: 14–15).

В военных документах активно используется терминология, связанная с вооружением и снаряжением, при этом наиболее распространены обобщающие понятия, охватывающие целые классы военной техники. К таким родовым терминам относятся, например, *Handfeuerwaffe* (стрелковое оружие) и *Artillerie* (артиллерия), которые, как правило, употребляются в полной форме без сокращений (Стрелковский, 1970: 36). Однако для конкретных образцов вооружения, особенно стрелкового, характерно использование сокращённых обозначений — так, пулемёт обозначается как *MG* (от полного наименования *Maschinengewehr*). Эта система терминологии позволяет сочетать точность формулировок с необходимой лаконичностью боевых документов, обеспечивая при этом однозначное понимание всеми участниками боевых действий. Особенностью военной терминологии является её строгая стандартизация и функциональная направленность, что особенно важно при управлении войсками в боевых условиях. Следует отметить, что в отличие от родовых понятий, которые сохраняют полную форму, конкретные образцы вооружения часто имеют устоявшиеся сокращения, что

требует от военных переводчиков особого внимания к деталям и знания соответствующих терминологических стандартов.

В тексте это отражено так:

“Kein MG mehr, kein Abschuss, kein Einschlag; kein Granatpfeifen, nichts, gar nichts mehr, kein Schuss, kein Schrei. Es ist ein Fachstill, vollkommenstill” (Ремарк, 1993, 16).

Ни пулемётов, ни пальбы, ни разрывов, ни посвиста снарядов, — ничего, как есть ничего, ни одного выстрела, ни одного крика. Тихо, просто тихо (Перевод И. Горкиной, с. 13).

Ни пулемётов, ни пуль, ни разрывов, ни свиста гранат — вообще ничего, ни выстрелов, ни крика. Просто тишина. Полная (Ремарк, 1993: 13).

В немецкой военной лексике аббревиатура MG представляет собой устоявшийся профессиональный термин. При переводе подобных специализированных сокращений на русский язык принято избегать буквального копирования, заменяя их соответствующими русскоязычными аналогами из военной терминологии. Этот же принцип распространяется и на другие немецкие военные термины, которые переводятся как профессиональные понятия: Abschuss передаётся как «производство выстрела», Schuss — как «выстрел», а Einschlag — как «точка попадания» (имея в виду место встречи снаряда или пули с целью). Такой подход к переводу обеспечивает несколько важных преимуществ: во-первых, сохраняется точность военной терминологии, во-вторых, достигается понятность для русскоязычного военного специалиста, в-третьих, исключается неоправданное использование иностранных аббревиатур, и наконец, поддерживается необходимое единообразие военной документации. Суть данной переводческой практики заключается в приоритете точной передачи профессионального содержания терминов над буквальным воспроизведением их формы, что особенно критично в военной сфере, где малейшая неточность в формулировках может иметь серьёзные последствия. Этот принцип отражает общий подход к переводу военной документации, который требует от переводчика не только прекрасного знания языка, но и глубокого понимания военной специфики и терминологии.

Предметы снаряжения. Helm (Stahlhelm) ‘шлем’ (стальной шлем), совр. «каска» в тексте:

“Heel springt zu uns herein, kalkweiß vor Wut unter dem Helm beim Aufflackern der Explosionen. ‘Brandt’, keucht er, ‘Volltreffer, alles weg” (Ремарк, 1993: 18).

Хель прыгает к нам. При вспышках разрывов видно из-под шлема его побелевшее от ярости лицо.

— Брандт... — задыхается он. — Прямое попадание. В клочки! (Ремарк, 1993: 14).

Выражения военного жаргона. Например, Knarre «винтовка» в тексте:

“Ein Schuß knallt. Kosole setzt die Knarre ab und späht eifrig zum Himmel. Er hat mitten in den Keil hineingehalten” (Ремарк, 1993: 12).

Щёлкает затвор. Козоле опускает винтовку и напряженно всматривается в небо. Он целится в самую середину летящего клина (Там же: 10).

Ещё один пример солдатского сленга: Kohldampf ‘ощущение голода’.

“Kosole mustert ihn noch einmal forschend. Da Jupp jedoch ruhig bleibt, wender er sich ab und brummt: ‘Dir zischt der Kohldampf im Bauch, das sind deine Granaten. Solltest lieber ein Augevoll Schlaf nehmen’” (Там же: 7).

Козоле снова критически оглядывает его, но так как на Юппа это не действует, он отворачивается и брюзжит:

— В брюхе у тебя урчит от голода — вот твои снаряды. Вскрапнул бы, больше б толку было (Там же).

Немецкое слово ‘Kohldampf’ представляет собой характерный пример военного жаргона, который немецкие лексикографические источники однозначно относят к армейской лексике. Изначально заимствованное из воровского аргю, это экспрессивное выражение передаёт сильное чувство голода, сохраняя при этом свою стилистическую окраску. Для адекватного перевода таких специфических терминов переводчику необходимо не только прекрасно владеть грамматикой и синтаксисом немецкого языка, но и глубоко понимать особенности военного словоупотребления. Яркой грамматической особенностью немецких боевых документов является использование формы Präsens в приказной части для обозначения будущих действий. Такое употребление объясняется несколькими факторами: во-первых, Präsens обеспечивает краткость и лаконичность формулировок; во-вторых, в контексте военного приказа эта временная форма всегда понимается однозначно; в-третьих, она позволяет упростить языковую конструкцию, сохраняя при этом необходимую смысловую точность. Эти лингвистические особенности отражают общий принцип построения военных документов, где языковая форма всегда подчинена функциональному назначению текста и требованиям оперативной ясности. Переводчик должен учитывать как лексические особенности военного жаргона, так и специфические грамматические конструкции, характерные

для немецкой военной документации, чтобы обеспечить точную и адекватную передачу содержания.

Например: 4. Кр richtet sich in den Stützpunkten 20, 21, 22 und 23 vor allem gegen einen aus Richtung Waldstück dicht ostwärts UNT.-LAP-PACH und VOGELHERD angreifenden Feind zur Verteidigung ein., 4-й роте оборонять опорные пункты 20, 21, 22 и 23 с задачей отразить наступление противника прежде всего с направлений: лес восточнее Унт. Лаппах (Нижний Лаппах) и Фогельхерд (Стрелковский, 1970: 47).

В ходе боевых действий происходило постоянное совершенствование профессионального мастерства военных переводчиков, формировалась узкая специализация внутри профессии. К заключительному этапу войны были сформированы централизованные подразделения радиоперехвата, оснащённые мобильной аппаратурой на автомобильных шасси. В состав этих подразделений входили специально обученные переводчики — «слушачи», квалифицированные дешифровальщики и опытные операторы коротковолновой связи. Эти специализированные группы, действовавшие при разведотделах фронтов и армий, успешно работали на различных направлениях (Торсуков, 2020: 114).

Работа военных переводчиков отличалась исключительным разнообразием задач и постоянным риском для жизни. Ярким примером героизма стали события Будапештской операции, где несколько групп переводчиков-парламентёров погибли при исполнении служебных обязанностей. 26 декабря 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение крупной немецко-венгерской группировки в Будапеште. Советское командование, стремясь избежать тяжёлых уличных боев и сохранить культурное наследие города, приняло решение направить к противнику парламентёров с ультиматумом о капитуляции. Первая группа парламентёров от 2-го Украинского фронта включала капитана Н.С. Штейнмеца (политработник), лейтенанта А.К. Кузнецова (военный переводчик) и старшего сержанта Ф.П. Филимоненко (водитель). 29 декабря 1944 года в 10:55 группа выдвинулась к немецким позициям под белым флагом, но была обстреляна на подходе и погибла. Вторая группа от 3-го Украинского фронта состояла из капитана И.А. Остапенко, старшего лейтенанта Н.Ф. Орлова и старшины Е.Т. Горбатюка. Несмотря на знание о судьбе первой группы, они выполнили задание по передаче ультиматума, после чего также были обстреляны при возвращении. Выжил только старший лейтенант Орлов. После войны в Будапеште были уста-

новлены памятники капитанам Штейнмецу и Остапенко как символу мужества военных переводчиков (Торсуков, 2020: 114). Эти события демонстрируют, что работа военных переводчиков часто выходила за рамки чисто профессиональных задач, требуя личного мужества и готовности к самопожертвованию.

Одним из наиболее ярких примеров героизма военных переводчиков стал подвиг капитана Владимира Галла, который в своих воспоминаниях «Огненный перевод» (Галл, 2006) описывает драматические события 1 мая 1945 года: «Первого мая 1945-го мы с майором Гришиным шагнули в ад Шпандау — осаждённую крепость, где в каменных мешках томились сотни заложников. Каждый наш шаг под прицельными взглядами эсэсовцев мог стать последним...» (с. 108–109). Этот эпизод наглядно показывает, что выдающаяся квалификация военных переводчиков — безупречное владение немецким, выдержка и умение вести переговоры — позволила не только сохранить им жизнь, но и добиться сдачи вражеского гарнизона, избежав жертв среди мирных жителей. В военной истории особую страницу занимают переводчики высшего командного состава. Среди них выделялись: Лев Безыменский, обеспечивавший коммуникацию для маршалов Жукова и Рокоссовского, Валентин Бережков, сопровождавший наркома Молотова на важнейших международных переговорах, Владимир Павлов, ставший «голосом» Сталина в диалогах с иностранными представителями.

Эти специалисты выполняли не просто техническую работу, а выступали ключевыми участниками исторических событий, чьё мастерство напрямую влияло на исход важнейших переговоров и принятие стратегических решений. Их деятельность требовала не только языкового совершенства, но и исключительной психологической устойчивости, умения мгновенно адаптироваться к изменяющейся обстановке и точно передавать смысловые нюансы на высшем политическом уровне.

Примечательно, что среди военных переводчиков оказалось множество выдающихся представителей советской интеллигенции — поэт Самуил Маршак, писатель Эммануил Казакевич, актёр Владимир Этуш, учёный-лингвист Александр Швейцер и многие другие.

Неоценимый вклад в победу внесли и женщины-переводчицы, такие как Галина Дубеева, Елена Ржевская, Тамара Кораблёва и десятки других, которые наравне с мужчинами переносили все тяготы фронтовой жизни. Особое направление работы военных переводчиков составляла психологическая война и спецпропаган-

да. Согласно архивным данным (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 570. Л. 499), за годы войны было издано 20 газет на иностранных языках, распространено 3 миллиарда листовок, проведено 200 тысяч радиопередач. Как отмечал исследователь Николай Берников: «Успех определялся точным расчётом национальной психологии и морального духа противника» («Слово на линии огня». 1971: 8). Американский эксперт Пол Лайнбарджер в своей работе “Psychological Warfare” (1962) признавал: «Их методы сочетали новаторство с глубинным анализом» (Лайнбарджер, 1962: 211).

После войны ветераны-переводчики — Николай Берников, Николай Голованов, Фёдор Парпаров и другие — передавали свой бесценный опыт новым поколениям, преподавая на военной кафедре МГУ. Их профессиональный подвиг, заключавшийся не только в блестящем владении языком, но и в личном мужестве, стал важнейшей составляющей Великой Победы, что было по праву отмечено участием многих военных переводчиков в легендарном Параде Победы 1945 года.

Список литературы

- Берников Н.Н.* «Оружием правды», М.: Воениздат, 1971. С. 8.
- Бойко Б.Л.* Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение»). Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2016. № 2.
- Галл В.С.* Записки парламентаря, М., 2006, 223 с.
- Денисов П.Н.* Русская военная лексика в период Великой Отечественной войны // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1985. Т. 44. № 4. С. 358–365.
- Дуброва Ю.Ю.* Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе. Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2012. № 638. С. 137–144.
- Карпов В.В.* Судьба разведчика. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.litmir.info/bd/?b=13263>
- Козлов Б.И.* 25 лет Военному институту иностранных языков. М.: ВИИЯ, 1967. С. 21–22, 26–27.
- Лейнбарджер Поль.* Психологическая война. Перевод с английского. М., 1962. 138 с.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.
- Ремарк Э.М.* Возвращение / Пер. с нем. И. Горкиной // Ремарк Э.М. Возвращение. Время жить и время умирать. М.: LEXICA, 1993. С. 5–233.
- Ремарк Э.М.* На обратном пути / Пер. с нем. Е. Шукшиной. М.: АСТ, 2015. 320 с.
- Ржевская Е.М.* «От дома до фронта». Новый мир. М., 1965. № 11.

Ржевская Е.М. Берлин, май 1945. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=23774&p=1>

Ржевская Е.М. Берлин, май 1945: записки военного переводчика. М.: Московский рабочий, 1986. 55 с.

Стрелковский Г.М. «Перевод боевых документов Бундесвера». М.: Воениздат, 1970. 224 с.

Торсуков Е.Г. Их оружием было слово. Вестник МГУ. Серия 22 Теория перевода. № 2, 2010. С. 112–113. <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayapapka-barbarossa/7>

Интернет-ресурсы

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-raboty-perevodchikov-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer>

<https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-leksika-v-rechevom-obschenii>

<https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayapapka-barbarossa/7>. 115

https://vk.com/wall-18181383_393622 (ГПИИЯ)

<https://www.libfox.ru/640190-aleksandr-smykalin-perlyustratsiya-korrespondentsii-i-pochtovaya-voennaya-tsenzura-v-rossii-i-sssr.html>

References

Bernikov N.N. (1971) *Oruzhiem pravdy = Weapons of truth*. Moscow: Voenizdat. P. 8 (In Russian).

Bojko B.L. (2016) *Voennaya leksika v originale i perevode (na materiale romana E.M. Remarka Vozvrashchenie) = Translating Military Terms: A Case Study of the Russian Translation of The Road Back by Erich M. Remarque*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda*. No. 2. (In Russian).

Gall V.S. (2006) *Zapiski parlamentyora = Notes of a Parliamentarian*. Moscow, 223 p. (In Russian).

Denisov P.N. (1985) *Russkaya voennaya leksika v period Velikoj Otechestvennoj vojny = Russian military vocabulary during the Great Patriotic War*. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 44. No. 4, pp. 358–365 (In Russian).

Dubrova Yu.Y. (2012) *Strukturno-soderzhatel'naya specifika mnogokomponentnyh terminov v voennom diskurse = Structural and substantive specificity of multicomponent terms in military discourse*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 638, pp. 137–144 (In Russian).

Karpov V.V. *Sud'ba razvedchika = The fate of a scout*. (Electronic resource). Access mode: <http://www.litmir.info/bd/?b=13263>

Kozlov B.I. (1967) *25 let Voennomu institutu inostrannyh yazykov = 25 years of the Military Institute of Foreign Languages*. Moscow: VIIA, pp. 21–22, 26–27 (In Russian).

Leinbarger Paul. (1962) *Psihologicheskaya vojna = Psychological warfare*. *Perevod s anglijskogo*. Moscow, 138 p. (In Russian).

Leychik V.M. (2014) Terminovedenie: Predmet, metody, struktura = Terminology: Subject, methods, structure. Izd. Stereotip. Moscow: LIBROCOM, 264 p. (In Russian).

Remarque E.M. (1993) Vozvrashchenie = Vozvrashchenie. Per. s nem. I. Gorkinoy. Vremya zhit' i vremya umirat '. Moscow: LEXICA, pp. 5–233 (In Russian).

Remarque E.M. (2015) Na obratnom puti = On the way back. Per. s nem. E. Shukshinoy. Moscow: AST, 320 p. (In Russian).

Rzhevskaya E.M. (1965) Ot doma do fronta = From home to the front. *Novy Mir*. Moscow. No. 11 (In Russian).

Rzhevskaya E.M. Berlin, maj 1945 = Berlin, May 1945. (Electronic resource). Access mode: <https://www.litmir.me/br/?b=23774&p=1>

Rzhevskaya E.M. (1986) Berlin, maj 1945: zapiski voennogo perevodchika = Berlin, May 1945: notes of a military translator. Moscow: Moskovskij rabochij, 55 p. (In Russian).

Strelkovsky G.M. (1970) Perevod boevykh dokumentov Bundesvera = Translation of military documents of the Bundeswehr. Moscow: Voenizdat, 224 p. (In Russian).

Torsukov E.G. (2010) Their weapon was the word. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda*. No. 2, pp. 112–113. <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayapapka-barbarossa/7> (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Торсуков Евгений Георгиевич — кандидат филологических наук, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; temitina.45@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Yevgeny G. Torsukov — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie gory, 1, Moscow 119991, Russia; temitina.45@yandex.ru.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.